

1/11-88

ИЗ ПИСАТЕЛЬСКИХ БИОГРАФИЙ

Лит. Россия, 1985, 19 фев

Победа сердца

«Смерть Пушкина возвестила России о появлении нового поэта — Лермонтова», — писал современник. Были ли они лично знакомы? По-видимому, нет. Свидетельство В. А. Соллогуба о знакомстве поэтов у А. О. Смирновой незадолго до смерти Пушкина не внушает доверия, так как в 1836—1837 годах Александра Осиповна жила за границей. Не знала Лермонтова и Наталья Николаевна. Впервые она услышала о нем после трагической гибели мужа, когда ей принесли стихи еще малоизвестного гусарского офицера — «Смерть поэта». Она «жаждала прочесть все», что касалось Пушкина.

Позднее, когда Наталья Николаевна вернулась в Петербург из Полотняного Завода в 1839 году, она снова стала посещать близкий ей салон Карамзиных и встречала там Лермонтова. 28 февраля 1841 года П. А. Плетнев писал: «В 11 часов тряхнул я стариной — и поехал к Карамзинным, где не бывал более месяца. Карамзина встретила меня словом: привидение. Там нашлось все, что есть прелестнейшего у нас: Пушкина-поэт (жена поэта, — Л. Ч.), Смирнова, Раствопчина и проч. Лермонтов был тоже. Он приехал в отпуск с Кавказа».

В начале знакомства с Натальей Николаевной Лермонтов под влиянием разговоров в петербургском светском обществе чуждался ее, и за «изысканной величавостью обращения» Наталья Николаевна угадывала «предазную враждебность». Поэт избегал беседовать с ней, ограничиваясь «обменом пустых условных фраз».

...Это было 12 апреля 1841 года. На следующий день Лермонтов покинул Петербург, куда уже больше не вернулся. В салон Карамзиных попрощаться с опальным поэтом пришли его близкие друзья. Была здесь и Наталья Николаевна. Позднее она рассказывала об этом ве-

щере своей дочери от второго брака Александре Петровне, по мужу Араповой (ее воспоминания были опубликованы в иллюстрированном приложении к газете «Новое время» в 1908 году).

Лермонтов, к великому удивлению Натальи Николаевны, «с первых слов завел разговор, поразивший ее своей необычайностью. Он точно стремился заглянуть в тайник ее души и, чтобы вызвать ее доверие, сам начал посвящать ее в мысли и чувства, так мучительно отравлявшие его жизнь, каялся в резкости мнений, в беспощадности суждений, так часто отталкивавших от него ни в чем перед ним не повинных людей...».

Наталья Николаевна заметила, «как ледяной покров, сию вывавший доселе их отношения, таял с быстротою вешнего снега, как некрасивое, но разительное лицо Лермонтова точно преображалось под влиянием внешнего просветления». В заключение этой беседы, удивившей Карамзиных своей продолжительностью, Лермонтов признался Наталье Николаевне, что ранее он видел в ней лишь неприступную красавицу и только накануне отъезда мог разглядеть «под этой оболочкой женщину, постигнуть ее обаяние искренности».

«Прощание их было самое душевное», и потом у Карамзиных много говорили о непонятной перемене, происшедшей с Лермонтовым накануне его отъезда на Кавказ.

Наталья Николаевна горевала о безвременной кончине молодого поэта. «Случалось в жизни, — говорила она дочери, — что люди поддавались мне, но я знала, что это было из-за красоты. Этот раз была победа сердца, и вот чем была она мне дорога».

Л. ЧЕРЕИНСКИЙ

ЛЕНИНГРАД